СУД НАД ИИСУСОМ ХРИСТОМ: БОГОСЛОВСКИЙ И ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Юридическое исследование деяния иерусалимского Синедриона должно начинаться с его первого формально-правового акта - "взятия под стражу". В отношении к Иисусу Христу нормы еврейского судопроизводства, допускавшие арест только после проведенного следствия, были нарушены (немедленное задержание допускалось лишь при возможном бегстве и опасности вооруженного сопротивлении подозреваемого). Никаких указаний на поведенное следствие в источниках нет. Готовность к такому правовому произволу была давно. Во время праздника поставления кущей, Иисус учил в Иерусалимском храме и многие в народе уверовали в Него. Тогда фарисеи и первосвященники послали служителей схватить Его. Но те вернулись одни под сильным впечатлением от слышанного: *Никогда человек не говорил так, как этот Человек* (Ин.7, 46). Фарисеи были раздражены на народ, слушавший Проповедника и на служителей, не исполнивших поручение. Тогда св. прав. Никодим возвысил свой голос и указал на беззаконные усилия членов Синедриона: *Судит ли закон наш человека", если прежде не выслушает его и не узнают, что он делает?* (Ин 7, 51). Первым на это правовое нарушение обратил внимание первосвященников Сам Христос: *Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня? Каждый день бывал Я с вами в храме, и вы не поднимали на Меня рук, но теперь ваше время и власть тьмы* (Лк. 22, 52). Символика дня и ночи позволяет еще более явственно увидеть беззаконность иудейских первосвященников и старейшин, избравших ночь для допросов и суда над Спасителем. Мечи и колья, которыми было вооружено множество народа, видимо, были взяты для прикрытия беззакония. Нескольких римских воинов, посланных вместе со старейшинами и начальниками храма, было вполне достаточно для задержания ненавидимого ими Проповедника (даже с учетом сопровождавших Его учеников). Последние слова (*теперь ваше время и власть тьмы*) прямо говорят о том, что закон в отношении к Нему соблюдаться не будет. Знали это и первосвященники и фарисеи, решившие предварительно, *что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб* (Ин. 11, 50). Вместо юридической нормы вводится расплывчатый, дающий простор произволу, прагматический критерий безопасности народа.

Вслед за первым юридическим нарушением (взятие под стражу без проведенного следствия) последовало второе: Иисус Христос, задержанный в Гефсиманском саду, сразу же был приведен на суд, минуя предварительное заключение. Оно было элементарной правовой нормой как древнееврейской, так и римской судебной практики. Обвиняемый мог ознакомиться с делом, приготовиться к оправдательным ответам. Власть, с другой стороны могла провести тщательное расследование.

Иисус Христос был взят под стражу в Гефсимании близ селения к востоку от Иерусалима, у подножия Елеонской горы (в переводе с арамейского слово "Гефсимания" означает пресс для маслин). Место это свято: здесь Христос часто

проводил ночи в молитвах, здесь начались его искупительные страдания, закончившиеся на Голгофе. В Гефсимании, по преданию, была погребена Пресвятая Богородица. На Елеонскую гору в сороковой день по Воскресении Господь привел своих учеников и, благословив их, вознесся на небо.

Христиане бережно и благоговейно хранят память об этих местах. Сохранился грот, где Христос, пав на землю, молился "о чаше". Предание указывает место у входа в Гефсиманский сад близ остатков колонны, где искушенный диаволом ученик дал целование Божественному Учителю.

Взятый воинами, Иисус Христос был веден вдоль потока Кедрон ("мутный ручей"), который берет начало на северо-западе Иерусалима, огибает город с востока, спускается к югу и впадает в Мертвое море. Образуется он только в период дождей и течет по направлению к памятнику Авессалому, против которого был мост через поток. Здесь, где Христос даровал некогда зрение слепому от рождения (Ин. 9, 1-41), Он получил первое поругание от ведших его стражей. По преданию, один из воинов столкнул Его с мостика, и тут же Он упал на берег; колена и руки нашего Искупителя напечатлелись на береговом камне. Есть предание, что Христос, мучимый в пути жаждою, испил из Кедронского потока, в исполнение пророчества царя Давида: *из потока на пути будет пить, и потому вознесет главу* (Пс. 109, 7). Поток Кедронский протекает между Иерусалимом и Елеонской горой и впадает в Мертвое море. По его названию получила название и долина, известная также как Иосафатова долина. Через нее вочеловечившийся Господь был ведом на человеческий суд, и здесь же, по поверью жителей Палестины (христиан, иудеев, мусульман), будет место Страшного Суда, согласно пророчеству Иоиля: *Пусть воспрянут народы и низойдут в долину Иосафата; ибо там Я воссяду, чтобы судить, все народы отовсюду... Толпы, толпы в долине суда! ибо близок день Господень к долине суда!* (Иоил. 3, 12; 14).

Предания о дальнейшем Страстном пути Спасителя разнятся между собой. Одни говорят о том, что Христос был веден для поругания Его славы через Золотые ворота, через которые Он торжественно вступил в Иерусалим из Вифании, встреченный возгласами "осанна". Другие утверждают, что, перейдя мост, иудеи обогнули поворот Иерусалимских стен на юго-запад и направились через врата, называемые "Гнойными" (также для поругания имени Христа), в предместье Офель, а далее - к дому первосвященника Анны, который согласно преданию находился возле теперешних Сионских ворот. Анна (евр. Ханан; в русском тексте Иосифа Флавия Аннан) был возведен в первосвященническое достоинство в 7 (по др. данным в 6) г. по Р.Х. наместником Сирии Квиринием. В 15 г. он был низложен прокуратором Иудеи Валерием Гратом. Отставной первосвященник был старше своего зятя Каиафы не только годами, но и жизненным опытом. Пять его сыновей в разное время занимали должности первосвященника. Как глава большого и влиятельного семейства, он пользовался авторитетом в Синедрионе. В его доме был учинен первый допрос Божественному Узнику. Действия Анны, напоминавшие процедуру суда,

законной силы не имели, потому что тесть Каиафы в это время был частным лицом. Это было третьим юридическим нарушением в отношении к Спасителю.

Старейшины это знали. Что побудило иудейских вождей при большом стеснении во времени (нужно было до утра успеть провести судебное разбирательство и осудить на смерть Пленника) и неправомочности Анны привести к нему в дом Иисуса Христа. Многие исследователи говорят о желании доставить удовольствие столь влиятельному лицу, каким был глава первосвященнического рода. Тем более, что дом его был по пути. Принимая это объяснение, выскажем еще одно предположение, не противоречащее первому: иудеи, задумавшие расправу над ненавидимым ими Учителем, рассчитывали на его опытность.*Первосвященник же спросил Иисуса об учениках Его и об учении Его* (Ин. 18, 19). В этих вопросах Анна сразу же обнаружил себя хитрым и опытным политиком. Бывший первосвященник хотел, по-видимому, подвести дело к тому, чтобы обвинить Иисуса Христа в руководстве тайной общиной. В этом был коварный умысел. Первосвященники и старейшины хотели смерти Спасителя. Осуждение на казнь, вынесенное Синедрионом подлежало утверждению прокуратором Иудеи. Самый короткий путь к этому вожди иудейские видели в тех обвинениях, которые возбудили бы политические опасения полномочного представителя римского императора - в неспокойной Иудеи. Анны был одним из вождей дружески настроенной к Риму саддукейской партии. Спокойным, кратким и точным ответом Христос разрушил план отставного первосвященника: "Я говорил явно миру; всегда учил в синагоге и в храме, где всегда иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего" (Ин., 18.20). К этому Узник прибавил слова, в которых видно желание допрос перевести в юридическую плоскость, ибо для суда объективно значимо не столько мнение подсудимого, а показания свидетелей: *Что спрашиваешь Меня? спроси слышавших, что Я говорил им; вот они, знают, что Я говорил* (Ин. 18, 21). В ответ на это один из служителей ударил Спасителя по лицу. Это было очередное нарушение юридической нормы. Не только слуга, но и судья бить подсудимого не имел права. Когда св. апостол Павел стоял перед судом Синедриона, первосвященник Анания приказал бить его по устам. Первоверховный апостол указал ему на беззаконность этого поступка: *Ты сидишь, чтобы судить по закону, и, вопреки закону велишь бить меня* (Деян. 23, 2-3).

С нравственной точки зрения поступок служителя бывшего первосвященника ударившего Узника по ланите был гнусным. Иисус Христос, умирая в страданиях на Кресте явил величайший образ кротости и незлобия, молясь за распинавших Его и хуливших: *Отче, отпусти им: не ведят бо, что творят* (Лк. 23, 34). Он "мог перенести теперь, пишет Преосвященный Иннокентий, равнодушно безумную дерзость раба Ананова... Но молчание в настоящем случае могло показаться признанием в том, что действительно нарушено уважение к сану Первосвященника. Сам безрассудный раб остался бы в уверенности, что поступил справедливо" *[Иннокентий (Борисов), архиепископ. Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, Одесса, 1857, ч. 4, с. 9]*

Ответ Иисуса Христа на расчетливо поставленный вопрос влиятельного саддукея лишил его надежды придать начавшемуся делу политическую направленность. Он больше не допрашивал Узника. Однако несколько часов спустя, когда первосвященники и народная толпа, добиваясь у Понтия Пилата утверждения Иисусу смертного приговора за то, что сделал Себя Сыном Божиим (Ин. 19, 7), увидела нерешительность прокуратора Иудеи и даже желание отпустить невинного Пленника, вновь прозвучал тот же политический мотив: *если отпустишь Его, ты не друг кесарю, всякий делающий себя царем противник кесарю* (Ин. 19, 2).

Из дома Анны связанного Спасителя повели к Каиафе. "Дворец первосвященника был расположен на высотах Сиона. Как все жилища знатных особ, он состоял из главного корпуса и двух флигелей. Пространство между этими зданиями образовало внутренний двор, куда входили через галерею, на которую вела лестница с крыльцом." [Дидон. "Спаситель мира. О земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, пер. с французского, М. 1998, с. 665]

Председателем Синедриона, собравшегося ночью в одной из зал, был Иосиф Каиафа (второе имя, нередко встречающееся у древних евреев, по-видимому, образовалось из прозвища). Слово это греческое, его этимология неясна. В "Симфонии" предлагаются варианты: "смирение", "последователь", "каменотес". [Симфония или Словарь-указатель к Священному Писанию Ветхого и Нового Завета, М. 2000, т. 3, с. 10] Во всей полуторатысячилетней священной истории, запечатленной в библейских книгах, он один носит это имя. Иосиф Каиафа стал первосвященником в 18г. по Р.Х., а в 36г. был смещен римским наместником Сирии Вителлием. Как и все участники тех великих событий, он, несомненно, был орудием Божественного Промысла. Но тяжелая личная вина за совершенное преступление при этом остается. Сразу же после воскресения Лазаря Каифа, опасаясь что все уверуют в Иисуса, предложил убить Учителя, сотворившего это великое чудо: *вы ничего не знаете и не подумайте, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели, чтобы весь народ погиб* (Ин. 11, 49-50). Поражает в этих словах мера юридического произвола. Поставленный верховным вождем богоизбранного народа, чтобы хранить великое наследие св. пророка Моисея, он при решении участия человека в отношении жизни и смерти, руководствуется не Законом, а политическими опасениями, значимыми только для закоренелого саддукея, а не ревнителя отечественных традиций. Как ни скупы сведения о нем в источниках, образ его проступает достаточно определенно: перед нами расчетливый человек, в мыслях и действиях которого политик полностью заслоняет архиерея.

Из святых евангелистов двое Матфей и Марк свидетельствуют, что суд над Иисусом Христом был ночью. *А взявшие Иисуса отвели Его к Каиафе первосвященнику, куда собрались книжники и старейшины. Петр же следовал за Ним издали, до двора первосвященникова; и, войдя внутрь, сел со служителями, чтобы видеть конец. Первосвященники и старейшины и весь Синедрион искали лжесвидетельства против Иисуса, чтобы предать Его смерти, и не находили; и, хотя много лжесвидетелей приходило, не нашли. Но*

наконец пришли два лжесвидетеля и сказали: Он говорил: могу разрушить храм Божий и в три дня создать его. И, встав, первосвященник сказал Ему: что же ничего не отвечаешь, что они против Тебя свидетельствуют? Иисус молчал. И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий. Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы все слышали богохульство Его! как вам кажется? Они же сказали в ответ: повинен смерти. Тогда плевали Ему в лице и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам и говорили: прореки нам, Христос, кто ударил Тебя (Мф. 26, 57-68). Несомненно, суд проходил ночью. Рассказ о трехкратном отречении апостола Петра, которое было до первого крика петуха, помещен после.

Древнееврейское право, имевшее богооткровенный источник, не разрешало ночные суды. Когда св. апостол Петр и Иоанн после исцеления хромого от рождения, учили народ о Иисусе, священники, начальники стражи при храме и саддукеи *наложили на них руки и отдали их под стражу до утра; ибо уже был вечер* (Деян. 4, 3).

Ночью у подсудимого ослаблены умственные и телесные силы. По этой причине он ограничен в своей защите. С другой стороны, судьи во время ночного разбирательства чаще, чем при дневном, могут допустить поспешность и невнимательность. Разрушение нормы судопроизводства израильские судьи допустили из боязни народа. Возможно возражение: в повествовании евангелистов упоминается народ (*приходит Иуда, один из двенадцати, и с ним множество народа с мечами и кольями...* (Мк. 14, 43). Несомненно, здесь говориться о той части народа, которая была наиболее податлива ко злу. Это часть того, что Спаситель называет словом "мир" (*если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел* (Ин.15, 18)). Была и другая причина поспешного проведения суда ночью: следующий день был субботний, в течение которого Моисеев закон предписывает покой.

Итак, Синедрион заседал ночью. Известный в литературе вопрос: "А судьи кто?" должен быть поставлен и в нашем тексте. Кто осудил на смертную казнь Того, Кому Отец отдал весь Суд (Ин. 5, 22)? Евангелисты говорят о суде Синедриона (по-еврейски: Санхедрин). Великий синедрион был высшим правительственным и судебным органом в Иудеи. Суду Синедриона подлежали важнейшие религиозные (о богохульстве, ересях, сектах) и гражданские дела. Насколько полным был состав Синедриона, состоявшего из 71 члена, в ту неповторимую для Иерусалима ночь? Точно можем сказать только об отсутствии на заседании святой Иосифа из Аримафеи. Об этом свидетельствует св. евангелист Лука: *человек добрый и праведный, не участвовавший в совете и в деле их* (Лк. 23, 50-51). По-видимому также не было на совете св. прав. Никодима, который уже пытался остановить незаконные действия вождей иудейских (Ин. 7, 50) Не знаем; был ли в ту ночь в доме Каиафы законоучитель Гамалиил, позже ставший членом Христовой Церкви и прославленный в лике

святых. Будучи человеком безбоязненным, честным и мудрым, он, несомненно, возвысил бы голос, чтобы вразумить ослепленных ненавистью фарисеев и саддукеев, как это сделал он позже на заседании их совета, собравшегося осудить св. апостолов Петра и Иоанна (Деян. 5, 34-40). За отсутствием данных не можем также решить вопрос: был ли кворум? Если был, то в заседании Синедриона участвовало не менее 36 полноправных членов. В ту ночь в доме первосвященника и во дворе было многолюдно. Еврейское право не знало "зарытых процессов". Богодухновенный законодатель дал древним евреям понимание гласности как важного принципа справедливого суда. Правда, сама по себе открытость судебного процесса не избавляет от тяжких беззаконий. Участвовали в ночном заседании первосвященники со старейшинами и книжниками и весь синедрион (Мк. 15, 1). Еврейское судопроизводство, разрешая присутствие народа, вместе с тем запрещало посторонним проявлять какое-либо участие в делах судебного разбирательства. В отношении к Иисусу Христу, возможно, мы имеем дело еще с одним процессуальным нарушением. Св. евангелист Марк говорит: *Немедленно поутру первосвященники со старейшинами и книжниками и весь синедрион составили совещание и, связав Иисуса, отвели и предали Пилату* (Мк. 15, 1). Должно обратить внимание в приведенной цитате на соединительное "и" ("И весь синедрион"). Ясно, что множество людей, определявших участь узника превышало число членов того совета в Иерусалиме, который только один имел права высшего судебного органа.

Для принятия судебного решения нужны были свидетели - лица, обладающие точными сведениями о поступках обвиняемого для вынесения судебного решения, оправдывающего или осуждающего подсудимого. Этот весьма простой способ совершения судебных дел известен с глубокой древности. Без свидетелей судебное решение невозможно. Господь, дав на г. Синай богоизбранному народу Закон, установил и правила относительно свидетелей: *По словам двух свидетелей или трех свидетелей должен умереть осужденный на смерть: не должно предавать смерти одного свидетеля* (Вт. 17, 6). Спаситель говорит иудеям: в законе вашем написано, что двух человек свидетельство истинно (Ин.8, 11). Так как показания свидетелей определяли судьбу человека, жизнь его или смерть, Моисеев закон требовал безукоризненную правдивость. *Не произноси,* - говорить 9-я заповедь Десятисловия, - *ложного свидетельства на ближнего твоего* (Исх. 20, 16). Еврейское судопроизводство предусматривало полную тождественность показания свидетелей. В противном случае, получается один свидетель.

На суде над Иисусом Христом старейшины и члены Синедриона привлекали многих для свидетельства, но их показания оказывались юридически несостоятельны. В святом Евангелии они названы лжесвидетелями (Мф. 26, 60-61, Мк. 14, 55-56). Должно заметить, что согласно закону, лжесвидетель подвергался тому наказанию, которое ожидало оговариваемого им подсудимого. Печально, но верно: члены Синедриона в ту ночь суда над ненавидимым ими Учителем забыли эту элементарную юридическую норму, древнееврейского права. Ни один лжесвидетель суду не подвергся.

Последними были приглашены мнимые свидетели, которые вспомнили слова Спасителя, сказанные иудеям, требовавшим от Него знамение, подтверждающее его власть изгонять из Храма торговцев: *Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его* (Ин. 2, 18-19). Трудно определить: какое именно преступление видели эти лжесвидетели, выступившие последними. Может быть непочтение к храму или подстрекательство его разрушению? Но вряд ли ускользало от их внимания, что Иисус Христос говорил не только о разрушении, но и созидании. "Основания для смертного приговора здесь не было". Можно было увидеть в этих словах указание на Свою Божественную силу. Но это был слишком косвенный повод для суда. Тем более, иудеи восприняли эти слова буквально: сей храм строился сорок шесть лет, и *Ты в три дня воздвигнешь его* (Ин. 2, 19). Заключенное в этих словах пророчество о Своем Воскресении иудеям оказалось недоступным.

Свидетельство двух последних выступивших на суде с показаниями *не было достаточно* (Мк. 14, 59). Почему? Может быть потому, что они не соответствовали тем словам, какие произнес Спаситель в Храме и которые могли слышать первосвященники и старейшины: *разрушьте Храм сей и Я в три дня воздвигну его*(Ин. 2, 18). А свидетели, расходясь между собой приводили другие слова: *Я разрушу...* (Мк. 14, 58) и *могу разрушить...* (Мф. 26, 61). Но скорее всего другое: трудно на этих, не понятных им словах построить серьезное обвинения для приговора к смерти. Для членов Синедриона наступил неприятный, тягостный, можно сказать, тупиковый момент. Выход был найден тем же Каиафой, который после великого чуда воскресения четырехдневного Лазаря первосвященникам и фарисеям, недоуменно вопрошавшим: *что нам делать* (Ин. 11, 47), сказал: *вы ничего не знаете* (Ин. 11, 49).Суд, желавший придать законный характер приговору, основания для смертного обвинения так и не нашел. Ночное заседание, длившееся, без сомнения, несколько часов, закончилось почти внезапно. Первосвященник вышел на середину, Обратясь к Узнику, он сказал: *что же ничего не отвечаешь? Что они против Тебя свидетельствуют?* (Мф. 26, 62; Мк. 14, 60). Этот вопрос ввиду отсутствия свидетельств на Узника не имел реального, т.е. процессуально смысла. Эти слова нужны были Каиафе в качестве психологического вступления к тому, что затем последовало. Каиафа прибег к обычаю, который евреев существовал с древних времен - заклинанию. У этого славянского слова (от корня клятва, по-еврейски - шевуа) несколько значений. В исследуемом нами случае "заклять" означает взять торжественное обещание. Призывание имени Божия имело цель придать действию особую ответственность. Первое упоминание об этом мы встречаем в книге Бытия: умирающий патриарх Иаков заклял сына своего Иосифа похоронить его в гробе, который он выкопал себе в земле Ханаанской (Быт. 50, 5). О заклинании упоминают священные писатели и в других книгах (Нав. 2, 12-13; 3Цар. 22,18; 2Езд. 8, 92). У вопроса была определенная цель - вызвать ответ, который послужил бы основанием для обвинения в богохульстве.

И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий? (Мф. 26, 63). Евангелист Марк опуская первые слова первосвященника приводит тот же вопрос: *Ты ли Христос, Сын*

Благословенного? (Мк. 14, 61). Повествования евангелистов согласуются между собой, потому что Благословенный (по-еврейски: Барух) является одним из имен Божиих. Следовательно, в приведенном вопросе во втором Евангелии Христос назван тоже Сыном Божиим.

Ответ оба евангелиста приводят по смыслу тождественный: У св. Матфея: *Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам; отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных* (Мф. 26, 64). Согласно св. Марку: *Иисус сказал: Я; и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных* (Мк. 14.62). В еврейской речи словосочетание ты сказал имеет положительно-констативный смысл, что подтверждается тождеством последовавших затем слов Спасителя. Некоторая разница в словах могла возникнуть потому, что Евангелие от Матфея дошло до нас не в оригинале, а в переводе с арамейского языка на греческий.

Благовествуя о Царствии Божием, Спаситель открывал Себя как Христа либо ученикам Своим (Мф. 16, 16; 23, 8), либо тем, кто имея чуткую и доверчивую душу, готов был воспринять это. Например самарянке и ее соплеменникам (Ин. 4, 25-42). "Он, - пишет исследователь Дидон, - всегда называл Себя Сыном Божиим и перед народом, и перед фарисеями, и перед членами синедриона. Так как, живя, действуя и уча среди них, Он желал установить Свое Божественное Сыновство, то, несмотря на то, что Он знал, что Его ответ будет смертным для Него приговором, Он не поколебался прервать молчание и на предложенный первосвященником вопрос торжественно засвидетельствовать великую истину. Иисус сказал: Я, и вы узрите Сына человеческого сидящего одесную силы, и грядущего на облаках небесных. В этом торжественном откровении выразилось все учение Христа о Своем Лице предназначении и напомнило Его судьям то, что было им особенно неприятно: соучастие Сына человеческого в могуществе Бога-Отца и Его истинную божественность. Обвиняемый говорил о Себе, как Бог, и, возвещая Своим судьям, согласно с предсказанием Пророка Свое возвращение на облаках небесных, показал им этим, что наступит день, когда они предстанут на Его божественный суд" [Дидон, Спаситель мира..., с. 667-68.] Христос, пришедший в этот в этот мир, чтобы благовествовать о Царстве Небесном, прервал молчание. Его слова мало похожи на ответ подсудимого, а являются откровением о Своем Богочеловечестве. Молчавший на суде Иисус в ответ на вопрос первосвященника исповедал Себя Сыном Божиим не в силу произнесенного Каиафой заклинания, а потому что "исполнились сроки": *Отче! Пришел час, прославить Сына Твоего, да и Сын прославит Тебя* (Ин. 17, 1) Первосвященник услышал от Узника ответ, который ни только ожидал, но и желал вызвать. Поэтому, без всякого сомнения, выглядит лицемерием тот порыв его души, в котором он разодрал свои верхние одежды. Это-то лицемерие, которое так часто Иисус Христос обнажал в вождях иудейских, особенно в фарисеях.

Обычай раздирать одежды, находясь в состоянии глубокой печали, был у евреев древним. Так поступил патриарх Иаков, когда ему сказали, что его сына Иосифа

съел хищный зверь (Быт. 37, 32-34). Разорвали на себе одежды братия патриарха Иосифа, когда в мешке Вениамина при обыске была обнаружена тайно положенная туда серебряная чаша (Быт. 44, 12-12). После военного поражения евреев от жителей Гайя, разорвал на себе одежды св. праведный Иисус Навин (Нав. 7, 4-6). К этому обычаю прибег св. пророк Давид, узнав о смерти царя Саула (2 Цар. 1, 11). Но первосвященникам Господь запретил раздирать одежды. Когда огонь от Господа сжег сынов Аарона Надава и Авиуда за то, что они принесли пред Господа огонь чуждый (Лев. 10, 1), Господь устами пророка Моисея сказал первосвященнику Аарону и сыновьям его Елеазару и Ифамару: *голов ваших не обнажайте и одежд ваших не раздирайте, чтобы вам не умереть и не навести гнева на все общество* (Лев. 10, 6).

Никто из присутствовавших на ночном заседании Синедриона, кроме Иисуса Христа, не знал, что поступок первосвященника Каиафы знаменовал завершение целого периода Священной истории. Разодранные одежды архиерея символизировали конец ветхозаветного священства. Первосвященник Христос заключил Новый Завет и уже не с избранным народом, а со всем человечеством. Раздирание одежд потомкам рода Ааронова внешне выражавшее гнев вышедшего из себя человека, было в действительности исполнением пророчества.

Из уст Каиафы прозвучало обвинение стоявшего перед ним Узника в богохульстве - в самом тяжком преступлении согласно древнееврейскому праву. Из всех заповедей богодухновенной ветхозаветной религии первейшей была заповедь: *люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, всею душей твоею и всеми силами твоими* (Вт. 6.5). Хула на Бога есть крайняя степень попрания ее. Преступление это наказывалось смертью (Лев. 24, 16). Закон предусматривал тщательное исследование всех обстоятельств дела, точную проверку доказательств (Вт. 17, 4). Это был общий принцип. В случаях тяжких преступлений отступление от этого правила было грубым нарушением закона.

Первосвященник и весь Синедрион должны были с великим вниманием и особой тщательностью исследовать утверждение, сделанное в ту ночь с 13 на 14 нисана в Иерусалиме Подсудимым.

Среди членов Синедриона были книжники, законники и просто старейшины, знавшие, можно сказать, каждую букву Писания. Наступила полнота времен, пришел срок исполнения пророчества Даниила о пришествии Мессии. Ко времени начала проповеди Спасителем Евангелия во всем народе иудейском ожидание Христа (по-еврейски Машиах - Мессия) достигло наивысшего напряжения. Ангел пустыни, св. Иоанн Предтеча, назначен был Божественным Промыслом приготовить людей к приходу Помазанника Божия. Следовательно, для членов Синедриона факт появления Христа в эти дни сам по себе не был невозможным. Была ли возможность проверить: Христос ли стоящий перед ними в узах. Кто Этот Проповедник, который еще творил столько чудес, что в народе говорили: *когда придет Христос, неужели сотворить больше знамений, нежели сколько Сей сотворил?* (Ин. 7, 31). Немало людей в Палестине могли

увидеть в новом Проповеднике и Учителе, творившим чудеса (слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют (Мф. 11, 5)) обещанного Господом через пророков - Христа. Будущий апостол Андрей открытой, чистой душой воспринял Иисуса и придя к брату Симону (Петру) сказал: *мы нашли Мессию, что значит: Христос* и привел его к Иисусу (Ин. 1, 41). Именно Сыном Божиим исповедали Иисуса те, кто был в лодке, когда Он вошел в нее и тотчас утих ветер: *подошли поклонились Ему и сказали: истинно Ты Сын Божий* (Мф. 14, 31-33). Позже и другие ученики узнали в Нем Того, Кого напряженно ждал весь Израиль. Блажен, кто не соблазнится о Мне (Мф. 11, 6). Не соблазнились, но уверовали в Него как в Христа презираемые иудеями самаряне. Достаточно было одно чуда - сказать самарянке все, что она сделала (Ин. 4, 39). Гордость, предубеждение и омертвление веры не позволили членам Синедриона сказать, как самаряне: сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира Христос (Ин. 4, 42).

В планах домостроительства нашего спасения ответ Иисуса Синедриону был высшим моментом Его общественного служения, последним актом той проповеднической деятельности, на которую Он вышел три года назад. Своим ответом, вызвавшим смертный приговор, Он положил камень в основание Голгофского Креста, на котором совершилось дело нашего спасения. И как всегда бывает в духовной жизни, чем выше и значимей событие тем явственней обозначается граница разделения добра и зла. Иисус, окруженный гонителями, явил то спокойствие и величие духа, какое не знало человечество от своего начала. Судьи же Его, став на путь греха, влекомые его внутренней логикой, стали усугублять беззакония. Грубое правовое нарушение было в том, что в нарушение закона, не исследовал мессианские права Того, Кто назвал Себя Христом. Если в эту ночь члены высшего Судебного органа не готовы были это сделать, они обязаны были заседание отложить. В эти драматические для членов Синедриона минуты правовое сознание представителей высшего судебного органа Израиля, было полностью связано ненавистью к Узнику. Допущено было еще одно грубое нарушение судопроизводства: подсудимый не мог быть осужден на основании самопризнания обвиняемого. Древнеиудейское законодательство ясно понимало таящуюся здесь великую опасность. Талмуд не придавал никакого значения в уголовном процессе как родственникам подсудимого так и признанию вины: подсудимого: никто не может признать себя преступным, потому что пристрастно относится к себе (трактат Сангедрин, 96). Трудно удержаться от воспоминания нашего недавнего трагического опыта. Именно в период наиболее массовых гонений и репрессий (1937 г.) богоборческая власть в нашей стране разрешила "тройкам" выносить приговоры (главным образом смертные) на основании признания подследственным своей вины. Признание это получалось с помощью жестоких пыток.

Суд Синедриона закончился осуждением на смерть Спасителя мира. Все, что произошло потом во дворе дома Каиафы сразу же после осуждения Узника, покрыло несмываемым позором членов Синедриона и его слуг. Тогда плевали Ему в лице и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам и говорили:

прореки нам, Христос, кто ударил Тебя? (Мф. 26, 67-68). Ни в чем, наверно, не проявляется так явственно низость и моральное ничтожество, как в издевательствах и глумлениях над беспомощными, связанными людьми. В случае, о котором свидетельствует евангелист, безнравственность превысила всякую меру: присутствовавшие надругались над Тем, Кто до самых последних дней воскрешал мертвых, исцелял недужных, избавлял от страданий. Сейчас видя Узника осужденным, эти люди дали свободу всему низменному и злому, что было в них. Если быть богословски точным, Иисус был в узах, но не был беспомощным. Он страдал по Своему Человечеству. Как Богочеловек. Он и в ту ночь во дворе Каиафы оставался Владыкой вселенной, потому что Он снизошел "до подобия нам, не переставая быть тем, что есть, но и при этом оставаясь Богом и не презирая меры человечества". [Собор Ефеский, Вселенский Третий, - Деяния Вселенских соборов, т. 1, Спб. , 1996, с. 409] Сыну Человеческому предстояло испить полную чашу горьких страданий, скорбей и унижений.

Кротость, с какой претерпел Богочеловек от порочных людей плевание в Лицо, заушения и глумления, а также последовавшие за тем голгофские страдания, говорят о той цене, какой мы искуплены от вечной смерти.

Надо решительно признать, что не все происходившее тогда в доме Каиафы нам известно. Святые евангелисты Марк и Матфей, наиболее подробно рассказывающие о ходе суда, свидетельствуют, что Христос был осужден ночью, а апостол Петр отрекся от Своего Учителя под утро: после третьего отречения пропел во второй раз петух. Святой евангелист Лука не сообщает о ночном заседании: из его повествования мы знаем, что Иисус Христос был взят под стражу, приведен в дом первосвященника, что державшие Его ударяли Его по лицу и хулили, что апостол Петр при этом находился во дворе у огня. *И как настал день, собрались старейшины народа, первосвященники и книжники и ввели Его в свой синедрион и сказали: Ты ли Христос? скажи нам. Он сказал им: если скажу вам, вы не поверите; если же и спрошу вас, не будете отвечать Мне и не отпустите Меня; отныне Сын Человеческий воссядет одесную силы Божий. И сказали все: итак, Ты Сын Божий? Он отвечал им: вы говорите, что Я. Они же сказали: какое еще нужно нам свидетельство? ибо мы сами слышали из уст Его* (Лк. 22, 66-71).

О каком заседании здесь повествуется? В описании святого евангелиста Луки ничего не говорится о лжесвидетельствах и заклинании, произнесенном Каиафой. Впечатление от описания заседания однозначно: оно было скоротечным при полной предрешенности его результата. На предположение о том, что этому собранию предшествовало другое заседание, наводит и формулировка вопроса: *И сказали все: итак, Ты Сын Божий?* (Лк. 22, 70). Союз итак, являющийся здесь несколько неожиданным, становится вполне уместным, если допустить предшествующее ночное заседание, о котором святой евангелист Лука не упоминает.

Несомненно, утром было еще одно заседание: о нем сообщают евангелисты Матфей и Марк, подробно описавшие ход ночного суда: *Когда же настало*

утро все первосвященники и старейшины народа имели совещание об Иисусе, чтобы предать Его смерти... (Мф. 27, 1; срав.: Мк. 15, 1).Как понимать приведенные слова священного писателя? Ведь на ночном заседании члены Синедриона на вопрос Каиафы "как вам кажется?" сказали в ответ: - повинен смерти (Мф. 26, 66). Трудно уверенно ответить на эти вопросы. Может быть утреннее совещание состоялось для формального соблюдения одного из требований еврейского судопроизводства, запрещающего осуждение обвиняемого ночью. Тогда понятна его поспешность (*немедленно поутру...* (Мк. 15, 1)). Ничто, даже внешне, не напоминает судебное разбирательство: *ввели в своей Синедрион и сказали: Ты ли Христос? скажи нам*? (Лк. 22, 66-67). Утреннее собрание имело, возможно, и другую цель: создать видимость того, что Узник приведен в преторию сразу же после суда Синедриона.

Римляне, лишив Иудею независимости, отняли также право придавать кого-либо смерти. Решение Синедриона, осудившего Иисуса на смерть, строго юридически не имело силы. Судьбу Обвиняемого должен был решить управлявший Палестиной прокуратор. В 25-36 годы по Р.Х. пятым прокуратором Иудеи, составлявшей часть римской провинции Сирии был Пилат. Он принадлежал к роду Понтиев, поэтому имел двойное имя (личное и родовое). Постоянным его местопребыванием была Кесария Маритима (приморская), но на большие праздники он приезжал в Иерусалим, опасаясь беспорядков. Место официального присутствия называлась претория (от латинского претор наместник, главный судья). "Претория прикасалась к стенам ограды Храма и составляла часть колоссальных сооружений башни Антония, воздвигнутой на северо-западном углу большого четвероугольника, вмещавшего в себе все священные здания. Здесь-то, в этой неприступной крепости, квартировали римская когорта и правитель области. Большая центральная башня прикрывалась с боков четырьмя другими башнями, соединенными между собой прочными сооружениями, в виде оград, окруженных глубокими рвами. Смотря на размеры этого здания, можно было подумать, что оно вмещает в себя целый город. Внутри все было устроено и приспособлено, как в крепости и вместе с тем все было роскошно, как во дворце". [Дидон..., с. 672-673.]

Пройдя сравнительно небольшое расстояние, отделявшее двор Каиафы от дворца игемона, возбужденная толпа привела Узника к претории. Пилат вышел к воротам крепости, потому что первосвященникам и старейшинам входить в это утро в дом язычника обычай не позволял. На другой день был праздник Пасхи совпадавший в этот год с субботой . День у иудеев начинался с вечера (в память дней творения: *был вечер и было утро: день один* (Быт. 1, 5). Войдя в дом язычника Пилата, где были квасные хлебы, иудеи бы осквернились, что было препятствием вкушать вечером пасхально агнца.

Прокуратор не мог быть в полном неведении об Узнике. По просьбе старейшин он предоставил отряд воинов для задержания Иисуса. Но как официальное лицо, которому предстояло совершить суд, он спросил: В чем вы обвиняете Человека Сего (Лк. 18, 29) Члены Синедриона совершили еще одно юридическое

нарушение: осудили на казнь по одному обвинению, а добивались утверждения приговора по другому.. Уклончивый ответ был не только выражением высокомерия, но коварных намерений: если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе (Ин. 18, 30). Первосвященники и старейшины, только что обвинившие Иисуса в богохульстве, представили теперь Его Пилату опасным для Рима преступником: развращает наш народ и запрещает давать подать кесарю, называя Себя Христом Царем (Лк. 23, 2). Они хотели перевести дело из религиозной области, которая Пилата мало интересовала, в политическую. В этом был лукавый расчет людей, боящихся своего народа, который за пять дней перед этим восклицал при въезде Господа в Иерусалим "Осанна" (эллинизированная форма еврейского слова: "спаси нас, мы молим Тебя", Мф. 21, 9; Мк. 11, 9; Ин. 12, 13) и под ноги осляти постилал одежды. Но боязнь народа первосвященниками была излишней: народ, не увидевшей земной, царской силы Христа, к этому времени уже отвернулся от Него. В частности, это проявилось в том, что множество народа вышло для осуждения Его ночью: можно себе представить степень озлобления этих людей, если вспомнить, что это был канун самого торжественного праздника евреев Пасхи, когда принято было находиться дома и готовиться к этому великому для них дню. Нужно помнить также, что в эти дни иудеи не имели права совершать казнь. О крайнем озлоблении свидетельствует и стремление саддукеев и фарисеев предать ненавидимого ими Проповедника особо позорной смерти, каковой считалось распятие.

Как уже отмечалось, происходившие тогда в Иерусалиме события имели высший, духовный смысл. В действиях, мотивированных лишь хитростью и расчетом человеческими, мы видим точное исполнение пророчеств. Прообразом распятого на Кресте Искупителя был сделанный Моисеем по повелению Бога медный змей, взирая на которого исцелялись евреи в пустыне (Чис. 21, 9). Через пророка Исаию было предсказано, что Мессия будет причтен к разбойникам (Ис. 53, 12). Сам Иисус Христос говорил ученикам, что предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие (Мф. 20, 19). Все это исполнилось после суда Пилата.

Еврейские законы предусматривали четыре вида казни: побивание камнями, сожжение, усекновение главы мечом и удушение. Обвиняемый в богохульстве забрасывался камнями, причем право начинать эту казнь (бросить первый камень) предоставлялось свидетелям. Иисуса Христа дважды хотели побить камнями во время Его последнего прибытия в Иерусалим, но Он отвел от Себя такую казнь. Чтобы искупить людей на Кресте, сделать Крест орудием победы над диаволом, необходимо было пройти через суд язычников, каковыми были римляне.

Суд в претории, куда связанного Спасителя привели первосвященники, сопровождаемые народом, с протокольной полнотой описан евангелистом Иоанном, который совсем не упоминает о заседании Синедриона. Из вопросов, которые прокуратор задал в начале, видно, что первосвященники и старейшины надеялись, что Пилат осудит Иисуса за то, что Он считал Себя Царем

Иудейским. Со смертью в 4 г до Р.Х. Ирода старшего титул царя Иудеи был уничтожен. Управление перешло римскому наместнику. Реальное притязание на власть Царя Иудейского по римским законам квалифицировалось как опасное преступление.

Но понятие Царь Иудейский имело два различных значения: земное (эти титулы носили реально-исторические монархи библейской истории) и мессианский. Причина двойного значения заключалась в теократическом устройстве Израиля. Занимавший престол правитель через возлияние на его главу священного елея становился "Помазанником Господним", был Его орудием в управлении народом. Подлинным же Царем оставался Сам Бог. Но опыт царствования земных правителей никогда не был совершенным, ибо имел на себе печать человеческой ограниченности и немощи. Поэтому пророки, начиная с Исаии (VIII век) устремляют свой взор в будущее и в обетованном Богом Мессии видят грядущего Царя: Ликуй от радости, дщерь Сиона, торжествуй, дщерь Иерусалима: *се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной* (Зах. 9, 9). После воскресения Лазаря народ встречал Иисуса Мессию-Царя в Иерусалиме: благословен грядый во имя Господне, Царь Израилев (Ин. 12, 13). Принимая это законно принадлежащее Ему звание, Иисус отклонял желание людей поставить Его земным царем как это было после чуда умножения хлебов (Ин. 6.15). Итак, первосвященники и старейшины народа явились к Пилату, с целью погубить Узника умышленно совершили подмену, придав юридический смысл чисто духовному понятию.

Пилат спросил Христа: *Ты Царь Иудейский?* (Мф. 27, 11). Трудно сомневаться, что прокуратору Иудеи было неизвестно о торжественном входе Иисуса в Иерусалим. У него было достаточно времени понять религиозный характер событий и не опасаться происходящего. Последовавший за тем диалог подтверждает это. Иисус спросил прокуратора: от себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе о Мне (Ин. 18, 34). Пилат ответил: разве я Иудей? (Ин. 18, 35). Для представителя римской империи, имевшего ясное представление о царской власти, язычника Пилата, не знавшего о Царствии Божием, было очевидно, что гонимый раздраженными евреями Узник, стоявший перед ним, царем не является. Словами "разве я Иудей" римский судья сказал, что спрашивает не от себя, а от лица обвинявших Иисуса иудеев. Сказанное Спасителем: Царство Мое не от мира сего (Ин. 18, 36) не было попыткой судебного оправдания. Это было продолжением исповедания Себя как Сына Божия, начавшегося на суде Синедриона. На повторный вопрос Пилата: "итак Ты Царь?" Иисус спокойно и со властью сказал: Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего (Ин. 18, 37). Слова что есть истина? не содержали никакого вопроса. Это был ответ неверующего, скептически настроенного человека. Выйдя, игемон сказал первосвященникам и народу: я не нахожу никакой вины в этом человеке (Лк. 23, 4). Но иудеи не собирались уступать. Они вновь пытались представить Прокуратору проповедь Спасителя политически опасной: "возмущает народ, уча по всей Иудеи, начиная от Галилеи до сего места" (Лк. 23, 5). При

упоминании о той области, которая была в то время под властью тетрарха Ирода Антипы, Пилат принимает неожиданное решение: отправляет к нему на суд Узника. Второй сын Ирода Старшего от самарянки Малфаки, воспитанный в Риме, став по смерти отца (4 г. до Р.Х.), властителем Галилеи и Переи, своей политикой старался угодить императорам. Укрепив пограничную крепость Беф-Хоран, он назвал ее именем жены Августа Ливиадой. После смерти императора Ирод назвал ее в честь жены нового монарха Тиверия - Юлиадой. Построив на берегу Геннисаретского озера новую столицу, он дал ей имя римского императора - Тиверада. Часто проповедуя в городах и весях близ Галилейского моря, Спаситель никогда не входил в Тивериаду. Когда Иисус Христос учил в Пиреи, к Нему пришли фарисеи и сказали:*выйди и удались отсюда, ибо Ирод хочет убить Тебя* (Лк. 13, 31). Из ответа Спасителя можно заключить, что тетрарх не желал, чтобы в его областях находился Иисус и послал к Нему фарисеев. Поэтому Он называет Ирода лисицей (Лк. 13, 32). Расслабленный греховной похотью, Антипа вступил в прелюбодейный брак с дочерью своего сводного брата Аристовула Иродиадой, женой своего брата Филиппа.

Обличавшего его великого Пророка и Предтечу Иоанна он заключил в крепость Махерон близ Мертвого моря. В разгар пиршеских удовольствий, подстрекаемый Иродиадою, Ирод предал смерти святого Крестителя Господня.

Закон обязывал иудеев достигших 12 лет в великие праздники быть в Иерусалиме. Идумеянин Ирод Антипа как правитель израильский областей Галилеи и Переи не мог не быть во дни Пасхи в столице. Жил он в ней во дворце Асмонеев, который был рядом с преторией. Как тетрарх, он обладал судебной властью и мог справедливо решить участь Узника. Но греховная жизнь как кислота, разъедает нравственную ткань души и делает человека неспособным сделать ни один светлый поступок.

Происходившее во дворце Ирода мало напоминало суд. Лучшие правители Израиля за долгую его историю воспринимали власть как послушание Богу, чувствуя великую ответственность судить и защищать людей. Св. Давид молится за своего сына наследника царского престола: Боже, суд Твой цареви даждь, и правду Твою сыну цареву: Судити людем Твоим в правде и нищим Твоим в суде. Да воспримут горы мир людем, и холми правду. Судит нищим людским, и спасет сыны убогих и смирит клеветника (Пс. 71, 1-4). Перед Иродом стоял во всей Своей красоте кроткий и таинственный Узник, Которого он однажды принял за воскресшего из мертвых Иоанна Крестителя (Мк. 6, 14;16). Рядом находились первосвященники и книжники и усильно обвиняли Его (Лк. 23, 10). Но Ирод к этому не проявил ни малейшего интереса. Он был снедаем праздным любопытством, хотел увидеть какое-нибудь чудо и предлагал Узнику многие вопросы, но Иисус ничего ему не отвечал.

Эта пародия на суд закончилась уничижением Узника и надсмеянием над Ним. Четвертовластник одел Иисуса в белую одежду и отослал Его обратно к Пилату. "В белую (светлую) одежду, - пишет архиепископ Аверкий, - облекались у римлян кандидаты на какую-нибудь начальственную или почетную должность

(самое слово "кандидат" происходит от латинского "кандидус", что значит белый, светлый). Одев в такую одежду Господа, Ирод тем самым хотел выразить, что он смотрит на Иисуса только, как на забавного претендента на иудейский престол и не считает Его серьезным и опасным преступником. Так понял и Пилат. Ссылаясь на то, что и Ирод не нашел в Иисусе ничего достойного смерти, Пилат предлагает первосвященникам, книжникам и народу наказав отпустить Его". [Аверкий (Таушев), архиеп. , Четвероевангелие. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. М. , 2001, с. 303.] Дело было, казалось, исчерпанным. Римский судья предложил решение, которое позволило бы не только соблюсти римские законы, но и пощадить самолюбие Иудейских вождей. Он хотел воспользоваться существовавшим в Палестине обычаем: на праздник Пасхи правитель отпускал одного преступника. Несомненно, прокуратор был свободен определить лицо, которое могло подпасть под этот обычай, но он проявил малодушие. Легко было понять, какой выбор сделают иудеи, которых спросил Пилат. Удивляет та легкость, с какой высокопоставленный представитель страны, выработавшей классическую систему права, сошел с юридической почвы. Римское право знало такую форму как плебисцит (голосование плебса простого народа), но не допускала никаких элементов охлократии (от греч. охлос толпа, кратия власть). Римский судия не имел никакого юридического права решение вопроса о жизни или смерти человека предоставить возбужденной толпе.

Прокуратор предложил толпе сделать выбор: *Кого, хотите, чтобы я отпустил вам: Варавву или Иисуса, называемого Христом?* (Мф. 27, 17). Упомянутый Пилатом Варавва (евр.: Вар - сын, авва - отец, сын отца) был известный узник (Мф. 27, 16), разбойник (Ин. 18, 40). Он вместе с сообщниками произвел мятеж и совершил убийство (Мк. 15, 7; Лк. 23, 19). Любой человек, имеющий здоровое моральное сознание, должен был питать отвращение к преступлению, совершенному дерзкой рукой. Но злоба нравственно ослепляет людей. Прокуратор предоставил толпе выбрать того, кому выпадало счастье остаться в живых. Святитель Иоанн Златоуст объясняет это малодушием. "Слабость была причиною того, что он уступил... Он не имел мужества, был слаб, архиереи же были злобны и лукавы." Всматриваясь в действия Пилата, видишь явное неразумие, которое часто наблюдается в людях слабохарактерных. Он явно хотел воспользоваться упомянутым выше обычаем, чтобы осуждением невинного Узника не отяготить свою совесть. Казалось, ему ничто не мешало предложить помиловать по случаю праздника Иисуса Христа. Ситуация принципиально меняется, когда собравшимся у претории предлагается выбор. Толпа при всем ее однообразии всегда бывает лишена внутреннего единства. В то беспокойное утро в темнице Иерусалима сидело несколько разбойников (по крайней мере трое: Варавва и двое распятых в тот день на Голгофе). Если бы игемон сразу же предложил отпустить Иисуса Христа, то недовольная этим толпа разделилась. Странно: Пилат как бы подсказывает толпе решение, первым называя Варавву (Мф. 27, 17). Прокуратор, не находя никакой вины Узника обращается к народу с вопросом, кого отпустить по случаю праздника. Вопросы эти лишь усиливали ярость народа. Во время этих терзаний, теснимый с одной стороны голосом совести, а с другой малодушием, Пилат получил письмо от

жены: не делай ничего Праведнику Тому... (Мф. 27, 19). Предание сохранило имя ее: Клавдия Прокла (Прокула). Она стала христианкой, приняла святое мученичество, имя ее мы встречаем в списках святых (память 27 октября).[Сергий (Спасский), архиеп. , Полный месяцеслов, М. , 1997, т. 2, с. 333, т. 3, с. 648] Слова ее письма, приведенные евангелистом Матфеем ("я ныне во сне много пострадала за Него"), могут быть поняты как предсказание ее мученической кончины.

Пилат вновь спрашивает собравшихся у претории у иудеев: *Кого из двух хотите, чтобы я отпустил вам?* (Мф. 27, 21) Растерянность игемона нарастает. Он теряет способность поступать разумно. Отпустив Варавву и удержав Обвиняемого в узах, он мог окончательное решение принять после праздничных дней, когда волнение бы улеглось. Так поступил позже прокуратор Иудеи Феликс со св. апостолом Павлом, которого члены Синедриона во главе с первосвященником Ананией представили игемону возбудителем мятежа между иудеями (Деян. 21, 5).

Перед лицом возбужденного и озлобленного народа, все больше уступая ему свою власть, Пилат беспомощно спрашивает толпу: *что же я сделаю Иисусу, называемому Христом?* (Мф. 27, 22). В ответ на это впервые прозвучали слова: *да будет распят* (Мф. 27, 22). Первосвященники и народ, который несколько дней назад встречал Иисуса пальмовыми ветвями, подсказал римскому судье самую жестокую и мучительную казнь.

Конец XV века. Двухсторонняя икона из Софийского собора в Новгороде

Бичевание Христа. Конец XV века. Двухсторонняя икона из Софийского собора в Новгороде. Фрагмент

Прежде чем окончательно уступить иудеям игемон приказал подвергнуть узника бичеванию. Биение осужденного совершалось обычно перед самой казнью. Но прокуратор, как свидетельствует св. апостол Иоанн Богослов, повелел это сделать воинам еще до приговора. Бичевание, которому Христос подвергся у Пилата, можно объяснить желанием его унять страсти иудеев и угодить им. У евреев не разрешалось наносить подсудимому более 40 ударов. Чтобы не ошибиться в счете, наносили сорок ударов без одного (2 Кор. 11, 24). В Риме, где бичевание применялось в основном к рабам, такого ограничения не было. Удары наносились тройными бичами, на концах которых были свинцовые шины или кости. Спаситель мира во дворе претории подвергся изощренному мучительству." Даже спустя две тысячи лет невозможно смотреть на раны без содрогания. Мы становимся свидетелями ужасающего истязания: Туринская плащаница заговорила вновь. Безвинный Страдалец испещрен многочисленными повреждениями, сделанными кнутами. В центре удара рана темнее, здесь травмы глубже и крови больше. По краям пятна светлее. Там долго текла сукровица, потому что раны раздражались одеждой и медленно

сохли. Страшными разрывами усыпана вся спина, поясница и ниже. Его тело усеяно многочисленными следами жестокого бичевания - 98 ударов плетью! Избивали с большой силой от плеч до ног за исключением зоны сердца, потому что удары в этой области могут быть смертельны… На плащанице проступают следы 59 ударов бича с тремя концами, 18 - с двумя концами и 21 - с одним концом. При ближайшем рассмотрении следы ударов имеют вид "закрытых колокольчиков" - каждый ушиб с рваной раной приблизительно 3,7 см в длину... Странные обстоятельства бичевания, но дороги все подробности, все детали... На предплечье раны особенно выразительны, потому что лежат горизонтально на руках скрещенных спереди. Его понудили согнуться и продели кисти в кольцо… Перед глазами встает картина зверского преступления. Полуобнаженные, потные мучители подобны хищным зверем, раздирающим жертву. Свист ремней, глухие удары, брызги драгоценной крови... Осужденного избивают два палача, один из которых ниже ростом, чем другой. Оба стоят сначала позади, потом впереди жертвы и орудуют бичами круговым движением с плеча." [Синельников В. , священник, Туринская плащаница на заре новой эры, М. , 2001, с. 20-22.]

На главу Иисуса надели сплетенный из терна венец. Шипы изъязвляли голову Узнику. Особенно болезненно впивались иглы, когда воины били тростью по голове. С этим соединялись моральные страдания. Воины глумились и надругались над Тем, Кто вмещал в Себе полноту ко любви всем людям и даже к этим, ослепленным грехом истязателям, неведовавшим, что творят.

Поругание Христа. Конец XV века. Двухсторонняя икона из Софийского собора в Новгороде. Фрагмент

Окровавленного Христа в терновом венце и багрянице Пилат вывел к иудеям и сказал, что не находит в Нем никакой вины. *И сказал им Пилат: се, Человек* (Ин. 19, 5). В этих словах игемона видится желание вызвать у иудеев сострадание к Узнику. Возможно он хотел сказать: этот беспомощный Человек не похож на царя и не представляет угрозы кесарю. Но как нередко бывает, люди, соучаствующие в великих священных событиях, несмотря на всю свою слабость и немощь, становятся орудиями Божественного Промысла и выражают сокровенные истины, не ведая того. Слова "се, Человек", сказанные римским судьей в момент искупительных страданий Иисуса могут быть поняты в сравнении со стихами 21 мессианского псалма. В нем св. пророк Давид пророчески от лица претерпевающего муки Спасителя молится Богу Отцу: К Тебе воззваша, и спасошася: на Тя уповаша и не постыдешася. Аз же есмь червь, а не человек, поношение человеков и уничижение людей (Пс. 21, 5-6).

Сказанное Пилатом не изменило течения событий. Напротив, упорное желание иудеев погубить ненавистного им Проповедника нарастало. Когда же увидели Его первосвященники и служители то закричали: *распни, распни Его!* (Ин. 19, 6). Они понимали, что обретают над Пилатом власть. Уже не было и следа от сознания своей зависимости от покорившей их римской власти (нам не позволено предавать смерти никого (Ин. 18, 31)). Теперь уже от их требований веет не только злобой, но и уверенностью: мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим (Ин. 19, 7).

Евангелист Иоанн Богослов с впечатляющими подробностями описывающий последний минуты этого единственного в мировой истории суда, дает возможность увидеть усиливающийся болезненный конфликт в душе римского судьи: чем больше первосвященники и старейшины, поддержанные возбужденным народом, обретали власть над ним, тем очевидней становилась для него невиновность таинственного Узника. Он уже не спрашивает что Ты сделал (Ин. 18, 35), а интересуется: откуда Ты? (Ин. 19, 9). Вопрос этот не анкетно-биографический. Игемон знал, что Иисус из Галилеи. Можно быть уверенным, что и другие необходимые сведения, предусмотренные римским судопроизводством, он уже имел. Вопрос откуда Ты? Пилат задал после услышанных от иудеев слов: сделал Себя Сыном Божиим. Священный писатель прибавляет: Пилат, услышав это слово, больше убоялся (Ин. 19, 8). Молчание Иисуса вызвали раздражение прокуратора: *мне ли не отвечаешь? не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя* (Ин. 19, 10). С человеческой, можно сказать, юридической точки зрения Пилату мог быть дан законный ответ: Если имеешь власть отпустить, почему не сделал это, признавшись, что не находишь в Нем никакой вины?. Но ответ Иисуса возвышается над земным видением происходящих событий. Он показал Пилату, что знает волю Божию: ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше… (Ин. 19, 11). В спокойных словах Спасителя была заключена власть Судьи, Которому ведома мера греха каждого, кто участвует в происходящем беззаконии.

Сомнения и колебания прокуратора, казалось, кончились. С этого времени Пилат искал отпустить Его (Ин. 19, 12). Тогда иудеи прибегли к самому крайнему средству - *если отпустишь Его, ты не друг кесарю...* (Ин. 19, 12). В этих словах слышалось обвинение Пилата в измене императору. Этот шаг обнаруживает политическую опытность иудейских вождей. Кесарь Тиверий был человеком недоверчивым и принимал доносы. Что касается пятого прокуратора Иудеи и Самарии, то он предстает в еврейских источниках жестоким, гневливым и корыстолюбивым. Для иудеев он был личностью весьма уязвимой. Когда он приказал установить во дворце Ирода позолоченные щиты, ревнители отечественных устоев пригрозили отправить посольство в Рим к Тиберию. Филон Александрийский современник этих событий, пишет, что Понтий Пилат "боялся, что посольство раскроет в Риме все его преступления, продажность его приговоров, его хищничество, разорение им целых семейств и всех совершенных им постыдных дел, многочисленных казней лиц, не осужденных никаким судом и прочих жестокостей всякого рода". [Иисус Христос в

документах истории. СПб. , 1988, с. 28.] О жестокостях его упоминается и в святом Евангелии (Лк. 13, 1).

Слова иудеев, обвинявших Пилата в нелояльности Кесарю прекратили все его усилия отпустить Иисуса. Он принял решение осудить на жестокую казнь невинного Человека, грубо нарушив римские законы. Несчастие его было в том, что послал на позорную смерть Узника тогда, когда уже увидел в Нем не только невинно обвиняемого, но и Праведника (Мр. 27, 24).

Послав Иисуса на распятие, Пилат потребовал воды и совершил обряд, хорошо известный из древнееврейской истории. Когда обнаруживали тело убитого в поле, то выходили старейшины и судьи и измеряли расстояние до городов, расположенных вокруг этого места. Старейшины города, который оказывался ближайшим, брали телицу, не носившую еще ярма, отводили ее в невозделанную долину и закалывали там. В присутствии священников они омывали руки свои над головою телицы и произносили слова о своей невиновности в пролитии крови (Втор. 21, 1-6).

В ответ на слова Пилата о невиновности в крови Праведника Сего (Мф. 27, 24) народ принял всю ответственность на себя: *кровь Его на нас и на детях наших*(Мф. 27, 25). По представлениям евреев, попрание правды - осуждение невинного - было тяжким оскорблением Бога, требовавшим искупления общими бедствиями. Убиение Мессии должно было вызвать бедствия страшные и непоправимые, предсказанные пророком Даниилом. Пророчество сбылось в 70 году, когда римские легионы Тита до основания разрушили Иерусалим. "Войска не имели уже кого убивать и грабить, - пишет Иосиф Флавий. - Ожесточение не находило уже предмета мести, так как все было истреблено беспощадно. Тогда Тит приказал весь город и храм сравнять с землей... стены города разрушители так сравняли с поверхностью земли, что посетитель едва ли мог признать, что эти места некогда были обитаемы" (Иудейская война, 7.1.1).

Что же стало с судьями?

Имена Анны и Каиафы в Священном Писании последний раз упоминаются в книге Деяний святых Апостолов (4, 6). Вскоре после сошествия на Апостолов Святаго Духа в праздник Пятидесятницы апостолы Петр и Иоанн, идя в Храм встретили хромого от рождения, которого апостол Петр исцелил именем Иисуса. Дивное чудо вызвало сильное возбуждение в народе. По проповеди апостолов Петра и Иоанна о распятом и воскресшем Иисусе Христе, уверовало около пяти тысяч. (Деян. 3, 1-4, 4). Взятые под стражу апостолы были приведены на другой день в Синедрион и поставлены пред Анной, Каиафой и другими начальниками, старейшинами и книжниками. С той же слепотой и упорным противлением истине они допрашивали Петра и Иоанна, рядом с которыми стоял исцеленный и свидетельствовал о совершившемся чуде. Боясь народа, члены Синедриона, пригрозив, отпустили их.

Иосиф Каиафа в 36 году был смещен римским наместником в Сирии, Вителлием (Иосиф Флавий. Иудейские древности. 18, 4, 3). Престарелый Анна, по-видимому, раньше других членов Синедриона, закончил свою земную жизнь и предстал перед судом Иисуса, Которому Отец вверил Суд.

Участь тетрарха Ирода Антипы после суда над Иисусом Христом сложилась печально уже здесь на земле. После смерти императора Тиверия (37 г. по Р.Х.), новый кесарь Гай Калигула поставил племянника Антипы Ирода Агриппу над областями Филиппа (умер в 34 г. по Р.Х.) и дал ему царский титул. Это вызвало у Иродиады зависть. Она подтолкнула Антипу на шаг, который оказался для него гибельным. Тетрарх с женой отправился в Рим домогаться короны. Агриппа I в то же время отправил в столицу империи своего вольноотпущенника Фортуната с письмом к Калигуле, в котором утверждал, что Антипа заготовил оружие для 70 тыс. воинов и вступил в тайный союз с парфянами. Спрошенный кесарем, Антипа признал, что приобрел большое количество оружия. Калигула лишив его тетрархии и имений, отправил в 39 г. в Галлию в г. Лион. Дион Кассиан (LXI, 8) говорит, что император Калигула предал низложенного "четвертовластника смерти; и известно, что так именно обыкновенно и поступал этот император с изгнанниками. Но смерть Антипы вообще окружена некоторой темнотой. И. Флавий в одном месте говорит, что он умер в изгнанничестве в Испании, а в другом что он умер в Лугдинли в Галии, что можно считать более вероятным". [Фаррар Ф. В. , Ироды. История династии // "Совесть и грехопадение". Сборник. СПб. , 1998. С. 126.]

Понтий Пилат сначала подвергся суду своей совести: о Воскресении отданного им на распятие Узника было известно в Иерусалиме. Иосиф Флавий писал: "Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если Его вообще можно назвать человеком. Он творил удивительные дела и учил людей, с удовольствием принимавших истину. Он привлек к Себе многих иудеев и многих эллинов. Это был Христос. По доносу первых у нас людей Пилат осудил Его на распятие, но те, кто с самого начала возлюбили Его, оказались Ему верны. На третий день Он явился им живой. Пророки Божии предрекли это и множество других Его чудес. И поныне еще существуют так называемые христиане, именующие себя таким образом по Его имени (Иудейские древности, XVIII, 3, 63).